

Научная статья
УДК 81'367+81'373
doi: 10.17223/19986645/99/5

Фразеосхема «То ли дело + N₁!» в аспекте грамматики динамических трансформаций языка

Вадим Юрьевич Меликян¹

¹ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, melikyanv@sfedu.ru

Аннотация. Фразеосхема «То ли дело + N₁!» исследуется с применением методологии грамматики динамических трансформаций языка. Установлена производящая основа фразеосхемы, выявлены все звенья данной этимологической цепочки; изучены фразеологические характеристики фразеосхемы, доказана правомерность её отнесённости к фразеологическим сращениям. Все конструкции впервые описаны в аспекте грамматикализации: исследован набор признаков грамматикализации и степень их грамматикализации. Получено представление о формировании как отдельных синтаксических конструкций, так и всей системы языка в целом.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология, фразеосинтаксическая схема (фразеосхема), грамматикализация синтаксических конструкций, русский язык

Для цитирования: Меликян В.Ю. Фразеосхема «То ли дело + N₁!» в аспекте грамматики динамических трансформаций языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2026. № 99. С. 100–118. doi: 10.17223/19986645/99/5

Original article
doi: 10.17223/19986645/99/5

The fixed phrase scheme "To li delo + N₁!" in the aspect of the grammar of dynamic language transformations

Vadim Yu. Melikyan¹

¹ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, melikyanv@sfedu.ru

Abstract. The fixed phrase scheme "To li delo + N₁!" is examined using the methodology of the grammar of dynamic transformations of language. Its relevance stems from the uniqueness of this fixed phrase scheme, which represents a challenging object of study within the theory of syntactic phraseology, as evidenced by the absence of relevant scholarly works. The aim is to describe this fixed phrase scheme in terms of the theory of phraseologization and the theory of grammaticalization. The fixed phrase scheme under study is examined diachronically and synchronically (in etymological, structural-semantic, paradigmatic, syntagmatic, and functional aspects). Descriptive and transformational methods are employed, along with methods of componential analysis of the propositional sentence structure, syntactic modeling, phraseological, grammatical, and etymological analysis, among others. The empirical material was extracted through continuous sampling from literary works of the 19th–21st centuries.

It has been established that the fixed phrase scheme "To li delo + N₁!" was formed on the basis of a syntactic construction with the disjunctive conjunction *to li...*, *to li...* over several stages. The compound fixed component *to li delo* is entirely deactualized. Cases of its structural variation (omission of the lexeme *delo*) have been identified, as well as the partial actualization of the internal form of the lexeme *delo* and its transition to the status of an obligatory variable component. The word order of the construction's components is fixed; expandability is rare. However, the fixed phrase scheme can enter into subordinative relationships with other sentences, functioning as the main clause of a complex sentence. The fixed phrase scheme is characterized by the presence of partial idiomaticity of the dictum and complete idiomaticity of the modus. This fixed phrase scheme is agrammatical. This is manifested in the omission of the second part of the disjunctive conjunction *to li... to li...*, as well as the second coordinate part of the sentence; in the violation of lexico-grammatical combinability of the obligatory fixed and variable components. The fixed phrase scheme is non-derivative, confirming the validity of its classification as a phraseological fusion. All source constructions and resulting constructions are described for the first time in the aspect of grammaticalization: a set of features and their degree of grammaticalization are established. The number of prerequisites for grammaticalization in the resulting fixed phrase scheme is approximately twice as high as in the source construction, and the grammaticalization index is three times higher. Based on the fixed phrase scheme "To li delo + N₁!", the communiceme *To li delo!* was formed, which within its class of syntactic phraseological units also belongs to fusions. The tools of the grammar of dynamic transformations of language were applied to communicemes for the first time. It has been established that it possesses an even greater number of prerequisites for grammaticalization and a higher grammaticalization index. Communicemes represent the endpoint in the development of processes of phraseologization and grammaticalization of syntactic constructions. Thanks to the chosen research approach, one of the pathways of phraseologization and grammaticalization of syntactic constructions has been studied. This provides insight into the formation of both individual syntactic constructions and the language system as a whole.

Keywords: syntactic phraseology, fixed phrase scheme, grammaticalization of syntactic constructions, Russian language

For citation: Melikyan, V.Yu. (2026) The fixed phrase scheme "To li delo + N₁!" in the aspect of the grammar of dynamic language transformations. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 99. pp. 100–118. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/99/5

Введение

Настоящее исследование посвящено разноаспектному описанию фразеосхемы «То ли дело + N₁!». Данная фразеосхема относится к фразеологическим сращениям. При этом восстановление её этимологии оказывается затруднительным, так как её синтаксическая конструкция не только «не отражает существующих в современном языке типов связей и является с точки зрения действующих норм немотивированным...» [1. С. 270], но и не похожа ни на одну из существующих конструкций. В этом смысле данная фразеосхема является уникальной, представляет собой трудный объект исследования в теории синтаксической фразеологии, что подтверждается отсут-

ствием соответствующих научных работ. В этой связи целесообразно применить к её описанию методологию грамматики динамических трансформаций языка, основывающуюся на принципах теории грамматикализации и теории фразеологизации [2]. Данные феномены являются смежными. По мнению некоторых учёных, грамматикализация (как и лексикализация) связана с конвенционализацией, так как ведёт к появлению идиоматики [3. С. 38]. Именно процессы грамматикализации в самом широком смысле детерминируют фразеологизацию языковых единиц, в том числе синтаксических [4, 5].

Изучение явления грамматикализации насчитывает несколько столетий [6. С. 29; 7. С. 140; 8. С. 232; 9. С. 48, 86–88; 10. Р. 5, 9–10; 11. С. 578, 584; 12. Р. 2; 13. Р. 15]. На начальных этапах грамматикализация рассматривалась как явление исключительно лексическое (узкая трактовка). Настоящее исследование опирается на широкое толкование феномена грамматикализации. Так, по мнению П. Хоппера и Э. Трауготт, грамматикализация объясняет, «как возникают грамматические формы и конструкции, как они используются и как они формируют язык» [14. Р. 1]. Суть процесса грамматикализации заключается в переосмыслении языкового знака с широким значением «в направлении всё большего обобщения и абстрагирования» [15. С. 466].

В современной отечественной теории фразеологии, которая значительно опережает развитие данной отрасли языкознания за рубежом, установлено, что фразеологизация фразеосхем, детерминированная грамматикализацией, проявляется в следующем: «...в утрате обычной синтаксической мотивированности и членимости, в лексической и морфологической скованности синтаксической модели, в приобретении формой слова и синтаксической конструкцией вторичной синтаксической функции» [16. С. 125], утрате семантической, парадигматической, синтагматической полноценности [16. С. 127]; деформации языковых единиц, в частности, в изменении порядка слов (нарушении характерной для русского языка препозиции подлежащего по отношению к сказуемому) и нарушении грамматических связей [17. С. 129]; появлении новых синтаксических моделей [18; 19. С. 202; 20]; усложнении значения и формировании его многослойной структуры [21. С. 71]; обобщении (генерализации) конкретного семантического наполнения мотивирующей синтаксической конструкции [22. С. 50]; полной или частичной десемантизации, лексикализации грамматических компонентов, появлении фразеосинтаксического значения (собственно фразеологического), которое не выводится из суммы значений отдельных структурных компонентов, а является принадлежностью синтаксической модели и т.д. [23. С. 62; 24. С. 114].

Настоящее исследование посвящено выявлению набора признаков фразеологизации, а также свойств грамматикализации конструкций-источников и конструкций-результатов, этимологически связанных с фразеосхемой «**То ли дело + N₁!**». Это позволит установить внутреннюю форму фразеосхемы, этапы её формирования, а также индекс грамматикализации, подтверждающий правомерность её отнесения к фразеологическому разряду

сращений. Рассмотрение всей этимологической цепочки, в которую включена фразеосхема «**То ли дело + N₁!**», даст возможность описать один из путей грамматикализации и фразеологизации синтаксических конструкций в русском языке. Предполагается впервые применить данную методологию в отношении коммуникем (по иной терминологии – слова-предложения). Это сформирует представление о тенденциях и способах развития языка в целом. Всё это и обусловило актуальность изучения фразеосхемы «**То ли дело + N₁!**».

Методология исследования

Синтаксическая конструкция «**То ли дело + N₁!**» квалифицируется как фразеосхема. Последняя представляет собой один из классов синтаксических фразеологических единиц. В Грамматике-80 «Фразеологизированными называются предложения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой. В этих предложениях словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам функционируют служебные и местоименные слова, частицы и междометия» [25. С. 382]. Настоящее исследование также исходит из определения фразеосинтаксической схемы, которое впервые было сформулировано Д.Н. Шмелёвым в 1976 г. Чуть позже учёный дал более развёрнутую его интерпретацию: фразеосхемы «обладают фиксированной и неизменной схемой построения, включая сюда обязательный порядок слов и наличие строго определённых, сильно ограниченных в варьировании грамматических форм, а иногда и определённых служебных слов...» [26. С. 327]. Многочисленные современные исследования фразеосхем (в первую очередь, автора настоящего исследования, а также его учеников и последователей) позволяют расширить данное определение: «Фразеосинтаксическая схема – это коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиций (значений), выражающая суждение или побуждение, обладающая грамматической и лексической частичной нечленимостью, ограниченной проницаемостью и распространяемостью и выполняющая в речи экспрессивную функцию» [23. С. 161–162]. При этом фразеосхемы-сращения «строятся не по живым действующим в языке правилам, а представляют собою изолированные структуры – следы когда-то свободных и легко расчленимых построений» [1. С. 269]; «Это... образования, в которых сочетание компонентов не определяется действующими в языке синтаксическими нормами и является с точки зрения этих норм немотивированным» [1. С. 269].

Исследуемая фразеосхема описывается, прежде всего, в диахроническом плане, а также с точки зрения синхронии (в структурном, семантическом, парадигматическом, синтагматическом и функциональном аспектах). Такой подход призван максимально полно представить основные параметры грамматикализации и в конечном счёте фразеологизации данной синтаксической

конструкции. Методология выделения, количественной и качественной интерпретации предпосылок грамматикализации синтаксических конструкций, представленных в единой этимологической цепи, а также установление индекса их грамматикализации была разработана в предыдущем авторском исследовании [5] и здесь не приводится. Индекс (показатель степени) грамматикализации каждой предпосылки определялся с учётом степени её влияния на процессы фразеологизации. Эмпирический материал был извлечён методом сплошной выборки из произведений художественной литературы XIX–XXI вв., а также «Словаря экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели» [27] и «Синтаксического фразеологического словаря русского языка» [28]. Весь иллюстративный материал представлен преимущественно в разговорной речи.

Результаты исследования

Достаточно близкой по структурно-семантическому устройству синтаксической конструкцией, которая могла бы выступить в качестве производящей основы фразеосхемы «**То ли дело + N₁!**», представляется простое предложение с разделительным союзом *то ли.., то ли...*:

«**То ли.., то ли..**, в зн. союза. Выражает противопоставление со значением неуверенности, неясности, неопределённости» [29. С. 1326];

«**То ли.., то ли..**, союз раздел. 1. Связывает однородные члены предложения, предложения при указании на предположительность или затруднение в выборе точного обозначения, определения предметов. Она приласкала взглядом незнакомую девушку, украдкой любясь то ли свежестью её, то ли робостью. Леонов. Русский лес. 2. Употр. в изъяснительном предложении при косвенном вопросе, когда неясно, соответствует ли данное событие действительности. *То ли жарко, то ли зябко, не понять, а сна всё нет.* Твардовский. Василий Тёркин» [30. С. 224];

«**То¹**, союз разделит.-перечислит. || (в сочет. с частицами “не” или “ли”): не то... не то, то ли... то ли). Употребляется при перечислении фактов или явлений, при неопределённости, неясности того, какой из них является действительным и какой – мнимым. *Что-то чуть дрогнуло у неё в лице: то ли губы, то ли тонкие, причудливого выреза ноздри.* Фадеев, Молодая гвардия» [31. С. 370].

Анализ значения разделительного союза *то ли.., то ли...* показал, что в его структуру входят следующие семы: «предположительность», «неопределённость» / «затруднение», «противопоставление» («сравнение», «сопоставление», «несходность», «противоположность»), «взаимоисключение» (п.ч. разделительный: «или – или»). Следует отметить, что, с одной стороны, в значении разделительного союза присутствует сема «неопределённости», с другой – во фразеосхеме ощущается интонация и интенция вопросительности. Это может быть связано с исходным значением вопросительной частицы *ли*, которая совместно с указательным местоимением *то* послужила основой для формирования разделительного союза. Однако в самом союзе

значение «вопросительности» не может оставаться актуальным в силу максимальной десемантизации и грамматикализации служебной части речи – союза. Оно трансформировалось в значение «неопределённости». Благодаря этому очень часто разделительный союз *то ли.., то ли...* встречается в вопросительных предложениях. Такой вопрос может быть обращён собеседнику, чаще – самому говорящему, например: **То ли птица, то ли кошка, То ли женщина была?..** (А. Кирилин. Нулевой километр // Сибирские огни. 2013).

Исходя из этого, в качестве предположительно исходной конструкции будем рассматривать простое вопросительное предложение с разделительным союзом *то ли.., то ли...*

Далее проанализируем значение фразы *то ли дело*, которая явно имеет определённое отношение к изучаемой проблеме. Семантическая структура лексического фразеологизма *то ли дело* (так его квалифицируют в некоторых словарях) включает в себя следующие компоненты:

«То ли дело. Совсем иначе; значительно лучше. При противопоставлении для указания на что-нибудь более хорошее, приятное, желанное и т.п.» [32. С. 477];

«Дело. 4. Разг. То, что полезно, важно, существенно и т.п.» [29. С. 248].
– *Послушай, Архип, – сказал он, немного помолчав, – не дело ты затеял* (А. Пушкин. Дубровский).

Следует отметить, что такие фразеологические словари, как «Большой фразеологический словарь русского языка» [33] и «Современный фразеологический словарь русского языка» [34], данную лексическую фразеологическую единицу вообще не фиксируют. Такой подход представляется правильным, так как сочетание *то ли дело* при подобной его семантической интерпретации («*Совсем иначе; значительно лучше. При противопоставлении для указания на что-нибудь более хорошее, приятное, желанное и т.п.*») является неполным и требует смыслового и синтаксического распространения, т.е. является элементом связанной синтаксической конструкции. Это обусловлено тем, что само сочетание выступает в качестве опорного компонента синтаксической конструкции фразеологизированного типа, которая предполагает наличие обязательного изменяемого компонента: «Обязательный компонент – устойчивое сочетание *то ли дело*; второй компонент со стороны категориальной свободен» [1. С. 272]. Как видно из исходных данных, значение сочетания *то ли дело* совпадает со значением разделительного союза *то ли.., то ли..*: «*противопоставление*» («*сравнение*», «*сопоставление*», «*несходность*», «*противоположность*»), «*взаимоисключение*», что подтверждает нецелесообразность выделения соответствующей лексической фразеологической единицы в указанном значении.

Далее приведём значение фразеосхемы с опорным компонентом *то ли дело*: «*Выражает оценку кого-, чего-л. как уникального, особенного, наиболее выдающегося из своего класса, превосходящего себе подобные, как (наи-)более точно соответствующего каким-л. признакам, (наи-)более выдающегося по своим положительными или негативным свойствам,*

(наи-)более предпочтительного и т.п.; в сочетании с разнообразными эмоциями» [27. С. 158].

Ключевые семы разделительного союза *то ли... то ли...* входят в состав значения фразеосхемы. При этом семы «предположительность», «неопределённость» / «затруднение» деактуализируются в связи с опущением второй части союза и утратой синтаксической конструкцией функции вопросительности. При этом данные семы всё же способствовали этим трансформациям в силу своего «обобщённого» характера. Лексема *дело*, возможно, добавилась позже как интенсификатор значения и привнесла в него сему «оценочности». Это подтверждается структурной факультативностью данной лексемы, например: *Со двора в зал вошли сторож со стрелочником. – Это, брат, на какой, к примеру, сорт нападёшь: в позапрошлом году выменял у золотухинского телеграфиста пару голландок, а они подгадили... Стрелочник досадливо поджигает губы. – Бывает, что не ко двору, ай кто сглазил, – отвечает сторож. – **То ли – кахетинские, хорошие!.. А, промежду прочим, надо всегда быть осторожным...** (И. Вольнов. Повесть о днях моей жизни).*

Всё это позволяет предположить, что фразеосхема «**То ли дело + N₁!**» могла быть образована на основе синтаксической конструкции с разделительным союзом *то ли... то ли...* В этом случае формирование фразеосхемы «**То ли дело + N₁!**» должно было происходить в несколько этапов. Сначала трансформации осуществлялись на уровне свободной синтаксической конструкции. Исходным вариантом выступает простое предложение с однородными членами (возможно сложносочинённое предложение):

***То ли птица, то ли кошка, То ли женщина была?..** (А. Кирилин. Нулевой километр // Сибирские огни. 2013);*

***То ли наука ошибалась, то ли кто-то не проверил, но обнаружил как реальность, и пошел гулять по свету очередной миф** (Интеллектуальные игры «З-С»: Привычные заблуждения // Знание – сила. 2003).*

На первом этапе формирования фразеосхемы имела место парцелляция разделительного союза и однородных членов предложения:

*Какова судьба мне уготована? **То ли плетей всыплют? То ли в турецкий острог посадят?** (А. Дорофеев. Вещий барабан // Октябрь. 2013).*

Затем вторая часть разделительного союза подверглась варьированию с точки зрения формы (но не значения), что способствовало закреплению самостоятельности первой части союза:

*А ведь в Новосибирске битком было набито. **То ли сошли по пути? Или решили ехать до престижной Алма-Аты-1** (И. Калабухова. Приключение длиною в сорок пять лет // Ковчег. 2013).*

На третьем этапе первая часть разделительного союза стала функционировать полностью самостоятельно:

*Робкие, мол, наши души! Рыбья (**то ли рабья?**) кровь! Трепанула я «орлушу» (С. Викулов. Проступают граниты... (2004) // Наш современник. 15.03.2004); *Что-то сказал ведущий, и Анна вздохнула: – Римма, да не та. Вольнцева, **то ли Воланцева?** – Но нет, на сцену вышла несомненная**

Римма и полыхнула знакомо глазами: тут уж не ошибешься (И. Ратушинская. Одесситы).

Установим для последней синтаксической конструкции количество предпосылок грамматикализации и индекс грамматикализации:

Внутри короны была пустота, углубленьце. То ли для свечи?.. Сын поковырял ногтем грязь – может, еще что было? (А. Битов. Что-то с любовью... // Октябрь. 2013).

Предпосылки грамматикализации простого предложения – источника: «простое» синтаксическое значение (индекс – 1); специальная синтаксическая схема – препозиция неполнознаменательного компонента (2); эмфатический вынос (2); специальная тема-рематическая схема (2); неизменяемый порядок следования частей простого предложения – ограничение синтаксической парадигмы конструкции (8); опущение части разделительного союза *то ли... то ли...* в составе (4); опущение второго однородного члена предложения (4); служебное слово (лексема с максимально обобщённым значением) – разделительный союз *то ли* (4); значение «вопросительности» – сема «неопределённости» (1); значение «побудительности» – сема «неопределённости» (1). Количество предпосылок – 10, индекс – 29.

Таким образом, с одной стороны, мы видим некоторое сходство между фразеосхемой «**То ли дело + N₁!**» и синтаксической конструкцией с разделительным союзом *то ли..., то ли...* С другой – очевидно, что это сходство во многом обусловлено исходным значением указательного местоимения *то* и вопросительной частицы *ли*, которые послужили основой для формирования разделительного союза *то ли..., то ли...* и опорного компонента *то ли дело* фразеосхемы. Кроме того, между рассматриваемыми конструкциями имеются и существенные различия. В значении разделительного союза *то ли..., то ли...* имеется сема «неопределённости», которая не представлена в значении фразеосхемы, при этом отсутствует «импульс» вопросительности и указательности, присущие фразеосхеме, несмотря на её немотивированность.

Рассмотрим вторую версию образования исследуемой фразеосхемы. Н.Ю. Шведова считает, что образование фразеосхемы «**То ли дело + N₁!**» связано «с утратой местоимением *тот* местоименного и сказуемого значения и с максимальным отходом существительного *дело* от своего основного значения...» [1. С. 272]. К сожалению, Н.Ю. Шведова не приводит реконструированную этимологическую цепочку, предшествующую появлению фразеосхемы, в качестве доказательства. Можно предположить, что речь идёт о сложноподчинённом предложении (СПП) с придаточным определительным. Проанализируем более подробно данную этимологическую цепочку.

В качестве исходной синтаксической конструкции выступило вопросительное СПП с придаточным определительным, например:

– **То ли не правильное решение, которое идёт от сердца?** Как ты думаешь? – Не скажи. Иногда логика должна быть на первом месте (из разговорной речи);

– *То ли не хорошее дело, которым занимаешься с удовольствием? Как ты думаешь?* – Полностью согласен: за любимой работой и время летит незаметно (из разговорной речи).

Рассмотрим ключевые лексемы, которые сыграли решающую роль в построении исследуемой фразеосхемы:

«Тот, мест. 4. указательное, в знач. суц. Употр. в качестве подлежащего, указывающего на предмет, явление и т.п., названные в предшествующем предложении. Одни я в мире подсмотрел Святые, искренние слёзы – То слёзы бедных матерей!» (В. Некрасов. Внимая ужасам войны // СРЯ. Т. 4. 390);

«Ли; ль. I. частица (после того слова, к которому относится). 1. Усиливает вопросительный характер предложения» (БТСРЯ. 2000. 495);

«Дело. Работа, занятие, деятельность. Срочное дело» (БТСРЯ. 2000. 248);

«Который, местоимение относительное. Связывает определительное придаточное предложение с главным, определяя в нём какое-либо существительное или местоимение. Вот тот человек, который поможет вам» (БТСРЯ. 2000. 463);

«Который, местоимение относительное. Присоединяет придаточные определительные, указывая на тот предмет, о котором говорится в главном. Надя повела ребят светлым коридором, окна которого выходили на город. /А. Фадеев. Молодая гвардия/» (СРЯ. Т. 2. 116).

Указательное местоимение *то*, как лексема с дейктическим значением, имеет 2-ю степень грамматикализации. Частица *ли* обладает максимальной (пятой) степенью грамматикализации в силу своего служебного статуса и наличия значения «усилительности». Значение имени существительного *дело* характеризуется некоторой степенью обобщённости, поэтому ему присвоена 1-я степень грамматикализации. Местоимение вопросительное *который* (2-я) в результате приобретения функции союзного слова трансформировалось в относительное (3-я степень грамматикализации).

В составе данного СПП свободной структуры придаточное определительное присоединяется к главному предложению при помощи местоимения вопросительного *который*, выполняющего функцию союзного слова, которое, как было отмечено выше, «указывает» или «определяет». По этой причине в данной синтаксической конструкции представлено две семы «определительности» – лексическая (*который*) и грамматическая (синтаксическая).

Конструкция-источник обладает следующим набором предпосылок (показателей) грамматикализации: синтаксическое значение «подчинительности», эксплицируемое синтаксической конструкцией СПП (индекс грамматикализации – 1); наличие грамматического значения «определительности» придаточного СПП (1); неизменяемый порядок следования частей СПП, т.е. ограничение синтаксической парадигмы конструкции (8); лексема с дейктическим значением *то* (2), служебное слово *ли* (5), служебное слово *не* (4), полнозначенательная лексема с первичной грамматикализацией *дело* (1),

лексема с дейктическим значением в функции союзного слова – местоимение относительное *который* (3); лексическая сема «определятельная», репрезентируемая местоимением *который* (1); сема «количественной оценки» / «интенсема», выражаемая усилительной частицей *ли* (1); сема «вопросительности» (лексическая, т.е. в структуре означаемого усилительной частицы *ли* (1) и функционально-синтаксическая, принадлежащая вопросительной синтаксической конструкции (1); сема «побудительности»: лексическая, производная от значения «вопросительности» (вопрос – это запрос / побуждение к предоставлению информации) (1) и функционально-синтаксическая (1).

Таким образом, уже на этапе существования конструкции-источника обнаруживается 14 предпосылок (показателей) грамматикализации. Общий индекс грамматикализации конструкции-источника – 31.

На втором этапе происходит формирование СПП-фразеосхемы с придаточным атрибутивно-выделительным, например:

– **То ли не хорошее дело, которым занимаешься с удовольствием! За любимой работой и время летит незаметно** («Именно то дело, которым ты занимаешься с удовольствием, является хорошим / лучше / заслуживает одобрения и пр.») (из разговорной речи);

– **То ли не хорошее дело, если (какое?) выпить рюмку рома, ночью поспать, поутру выпить чая! То ли не хорошее дело, быть дома!**

Выделение группы предпосылок грамматикализации – специальная синтаксическая схема, эмфатический вынос и специальная тема-рематическая схема – обусловлено тем, что для вопросительного построения такой порядок следования элементов синтаксической конструкции является нормативным, а для повествовательного (восклицательного) – нет.

Данная конструкция обладает следующим набором предпосылок (показателей) грамматикализации: синтаксическое значение «подчинительности», эксплицируемое синтаксической конструкцией СПП (индекс грамматикализации – 1); специальная синтаксическая схема – препозиция сочетания неполнознаменательных и полнознаменательного компонента с первичной грамматикализацией (2); эмфатический вынос (2); специальная тема-рематическая схема (2); переосмысление всей синтаксической конструкции, а не отдельной лексемы (8); неизменяемый порядок следования частей фразеосхемы-СПП, т.е. ограничение синтаксической парадигмы конструкции (8); продуцирование фразеосинтаксического «атрибутивно-выделительного» значения (8); появление частичной идиоматичности диктума – («общее отрицание» («не хорошее») → «общее утверждение» («хорошее»)) (6); полная идиоматичность модуса (8); полная деактуализация функционально-синтаксического значения «вопросительности» (8); лексема с дейктическим значением *то* (2), частичная деактуализация служебного слова *ли* (5) – частично деактуализируется сема «вопросительности», «побудительности» (+1) и сема «усилительности» (+1), отсюда – частичная синтаксизация опорного компонента (=7); полная деактуализация служебного слова *не* (6); пол-

нознаменательная лексема с первичной грамматикализацией *дело* (1), лексема с дейктическим значением в функции союзного слова – местоимение относительное *который* (3); сема «вопросительности» (1) и «побудительности» (1) частицы *ли*; сема «количественной оценки», выражаемая усилительной частицей *ли* (1) и фразеосхемой-СПП в целом (1); лексическая (*который*) (1) и фразеосинтаксическая сема «атрибутивности / определительности» (1).

Таким образом, фразеосхема-СПП имеет 21 предпосылку (показатель) грамматикализации. Общий индекс грамматикализации – 78.

Лишь на третьем этапе формируется фразеосхема-ПП «**То ли дело + N₁!**», например:

– **То ли дело занимаешься / заниматься с удовольствием!** («Заниматься с удовольствием – это лучшее...»);

– *Поел бы, а то с голодухи-то развезёт. **То ли дело обед!*** (В. Шукшин. Охота жить).

Фразеосхема-ПП «**То ли дело + N₁!**» в системе языка обладает лишь одним значением. Опорный компонент фразеосхемы *то ли дело* является составным. Его лексическое и грамматическое значения полностью деактуализированы, а потому он неизменяем (нулевая парадигма) по данным признакам. Однако допускается его структурное варьирование, связанное с возможностью опущения третьего компонента – лексемы *дело*, например:

– *Опять молоко? – скучно сказал Вадик. – **То ли дело крепкий чай!*** (В. Драгунский. Денискины рассказы). Ср.:

– *Опять молоко? – скучно сказал Вадик. – **То ли – крепкий чай!**;*

– *Железо, серебро или золото? – **То ли дело медь!** – Дёшево...* (А. Толстой. Пётр Первый). Ср.:

– *Железо, серебро или золото? – **То ли – медь!** – Дёшево...*

В связи с тем, что лексема *дело* является полнознаменательной, хотя и с признаками первичной грамматикализации (значение имеет «общий» характер), в некоторых контекстах возможна частичная актуализация её значения «*то, что полезно, важно, существенно и т.п.*». В этом случае опорный компонент становится усечённым, а лексема *дело* формально занимает позицию именной части составного глагольного сказуемого. О синтаксической функции в данном случае можно говорить лишь условно, так как синтаксическая конструкция фразеосхемы в целом является немотивированной и нечленимой. Однако такие аналогии становятся возможными благодаря снижению степени её фразеологизации. Например:

*Чего только они с ней не проделывали. И прудили, и дно ей углубляли – «матушка», кроме мокроты, ничем не жаловала деревню. – Эх, мужики, мужики, – говорил местный балагур Макар Дошлый, – истерзали бедную речонку. А на что сил положили – могли бы каналу прокопать напрямик с Волги. **То ли б было дело*** (К. Петров-Водкин. Моя повесть. Часть 1. Хлыновск).

Обязательный изменяемый компонент фразеосхемы «**То ли дело + <не> + N [V, Adj, Adv, ...]!**» обладает полной лексико-грамматической (частеречной) и морфологической парадигмами, например:

1) лексико-грамматическая парадигма:

*С первого дня мы об этом думали... А привлечь внимание общества к чему-то хорошему, как выясняется, дело трудное, **то ли дело к плохому**. Но у нас есть надежда в Николин день «выйти из катакомб», говорить открыто, не боясь о современном христианском искусстве (Д. Рощеня. Николин день: отважиться и написать образ святителя);*

*– Кроме того, – сказал мне, по секрету, коллега нашего знаменитого баса, – Шаятин не умеет ругаться на иностранных языках. **То-ли дело по-русски!** Для него высшее удовольствие, вернувшись из-за границы, хорошо выругаться!.. (Эскизы и кроки (08.08.1912) // Петербургская газета. 1912);*

*Традиционный чёрный табурет такой неудобный и совсем не располагает к легкомысленным весёлым мелодиям. **То ли дело оранжевый!** У вашего чада день рождения? Отрегулируйте высоту стульев, и маленьким гостям будет удобно смотреть на именинника, задувающего свечи на праздничном торте (Стуломания от CASAMANIA // Homes & Gardens. 04.16.2004);*

2) морфологическая парадигма:

*– Откушай, батюшка, с нами. – Откушай! **То ли дело выпить!** (инфинитив) (А. Толстой. Пётр Первый);*

*– **То ли бы дело выпили, разговорились**, – оно всё само бы и наладилось... (прошедшее время) (Д. Мамин-Сибиряк. Хлеб).*

Порядок следования компонентов синтаксической конструкции неизменяем. Распространяемость фразеосхемы встречается редко. При этом фразеосхема может вступать в подчинительные отношения с другими предложениями, выполняя функцию главной части сложноподчинённого предложения, например:

*– Вот жизнь-то человеческая! – поучительно произнёс Илья Иванович. – Один умирает, другой рождается, третий женится, а мы вот всё стараемся: не то что год на год, день на день не приходится! Зачем это так? **То ли бы дело, если б каждый день как вчера, вчера как завтра!**.. Грустно, как подумаешь... (И. Гончаров. Обломов);*

*– На море хорошо! **Но то ли дело пройти по лесной незаросшей тропке, где вокруг тебя – деревья – великаны стоят!** (Н. Помяловский. Повести).*

Встречаются и более сложные конфигурации синтаксических отношений с участием данной фразеосхемы, например:

*Там, бывало, одевайся, тянись, представляйся хозяину, а здесь **то ли дело: накинул на себя какой-то шушун, который французы называют пальто, закурил сигарку, да и знать никого не хочешь** (М. Загоскин. Москва и москвичи).*

Фразеосхема характеризуется наличием частичной идиоматичности диктума, а также полной идиоматичности модуса, например:

*– Но тебе же нельзя пить, Саша. **То ли дело мне!** – В этом случае мне даже сам Боткин разрешил бы. Не перечь старшему! (1) фразеосинтакси-*

ческое значение: «оценка кого-, чего-л. как наиболее предпочтительного...»; 2) диктум: «Я наиболее точно подхожу для этого»; 3) модус: «положительная оценка адресанта и ироническое отношение к адресату...») (М. Шолохов. Они сражались за Родину).

Данная фразеосхема аграмматична. Это проявляется в опущении части главного предложения СПП-фразеосхемы (отрицания и оценочной лексемы: *не хорошее*), части придаточного предложения СПП-фразеосхемы (союзного слова *который*; иногда в сочетании с глаголом-сказуемым – *То ли дело чай!*), а также в нарушении лексико-грамматической сочетаемости обязательного неизменяемого и изменяемого компонентов и отсутствии их согласования (*То ли (дело) + N / V...*). Кроме того, у фразеосхемы деактуализировано функциональное значение «вопросительности» и «побудительности», что приводит к полной деактуализации (идиоматичности) синтаксического значения конструкции-источника, а также переосмыслению всей синтаксической конструкции в целом. Всё это позволяет квалифицировать данную фразеосхему как непроизводную.

Разговорную стилистическую окраску фразеосхема приобретает ещё на этапе формирования конструкции-источника. В результате ряда трансформаций синтаксической конструкции фразеосхема получает «специальную» синтаксическую схему (препозицию неполнознаменательного компонента), его эмфатический вынос и специальную тема-рематическую схему, что придаёт ей дополнительную экспрессивность, например: – *Так тебе же холодно! Б-р-р-р... – содрогнулся от ужаса Бертгель. – Спрашиваешь! Ещё как холодно!.. То ли дело дома!* (А. Линдгрэн. Крошка Нильс Карлсон).

Установим показатели грамматикализации фразеосхемы-результата: «простое» синтаксическое значение (индекс грамматикализации – 1); полная деактуализация (идиоматичность) синтаксического значения подчинительности конструкции-источника (2); специальная синтаксическая схема – препозиция сочетания неполнознаменательных и полнознаменательного компонента с первичной грамматикализацией (2); эмфатический вынос (2); специальная тема-рематическая схема (2); неизменяемый порядок следования частей фразеосхемы-ПП, т.е. ограничение синтаксической парадигмы конструкции (8); переосмысление всей синтаксической конструкции, а не отдельной лексемы (8); опущение части главного предложения СПП-фразеосхемы (отрицания и оценочной лексемы: *не хорошее*) (4); опущение части придаточного предложения СПП-фразеосхемы (союзного слова *который*; иногда в сочетании с глаголом-сказуемым – *То ли дело чай!*) (4); нарушение лексико-грамматической сочетаемости: (*То ли (дело) + N / V...*) (4); аграмматизм (8); немотивированность (8); продуцирование фразеосинтаксического значения «качественной оценки» (8); частичная идиоматичность диктума (6); полная идиоматичность модуса (8); деактуализация функционально-синтаксического значения «вопросительности» (8); полная деактуализация лексемы с дейктическим значением *то* (4); полная деактуализация служебной лексемы *ли* (9); полная десемантизация полнознаменательной лексемы с первичной грамматикализацией *дело* (3); фразеосинтаксическое

значение «качественной оценки» (1). Таким образом, фразеосхема-ПП имеет 20 показателей грамматикализации. Общий индекс грамматикализации конструкции-результата – 100.

Как видим, количество предпосылок грамматикализации фразеосхемы увеличилось по сравнению со свободной конструкцией-источником примерно на 43%, а индекс грамматикализации – на 222,5%. Фразеосхема «**То ли дело + N₁!**» обладает чрезвычайно высоким для фразеосхем набором признаков фразеологизации и грамматикализации, а потому вполне обоснованно квалифицируется как фразеосхема-сращение.

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что развитие свободной синтаксической конструкции с разделительным союзом *то ли...*, *то ли...* и фразеосхемы-ПП «**То ли дело + N₁!**» шло параллельно. В качестве исходного для обоих производных построений послужило сочетание указательного местоимения *то* и вопросительной частицы *ли*, что сближает их в этимологическом аспекте. Однако производящие фразеосхемы «**То ли дело + N₁!**» и синтаксической конструкции с разделительным союзом *то ли...*, *то ли...* различны, что обусловлено их различиями в грамматической структуре и синтаксической позиции местоимения *то* / *то*. Парный союз *то ли...*, *то ли...* сформировался на основе субстантивированного местоимения *Singularia tantum to* в сочетании с частицей *ли*, а фразеосхема «**То ли дело + N₁!**» – на основе сочетания *то (ли) дело* с изменяемым по родам местоимением-прилагательным *то* в качестве определения-детерминанта, согласованного со словом *дело*.

Однако на этом процессы грамматикализации и фразеологизации не остановились. На основе фразеосхемы «**То ли дело + N₁!**» образовалась коммуникема **То ли дело!**, которая в системе языка также имеет лишь одно значение:

«Выражение положительной оценки предмета речи; оценки как предпочтительного, лучшего, целесообразного в сочетании с одобрением, положительной оценкой и т.п.» [28. С. 304]:

*– Ишь каким лохматым обзавёлся Филипп Филиппович! И удивительно жирный. – **То ли дело!** За шестерых лопают! – пояснила румяная и красивая от морозу Зина* (М. Булгаков. Собачье сердце).

Как видно из контекста, значение «оценки» в коммуникеме приобрело более общий характер («положительная») в отличие от значения «частной оценки», которым располагала фразеосхема.

Установим показатели грамматикализации коммуникемы-результата «**То ли дело!**»: «простое» синтаксическое значение (индекс грамматикализации – 1); полная деактуализация (идиоматичность) синтаксического значения конструкции-источника (2); специальная синтаксическая схема – позиция сочетания неполнознаменательных и полнознаменательного компонентов (2); эмфатический вынос (2); специальная тема-рематическая схема (2); неизменяемый порядок следования компонентов коммуникемы – ограничение синтаксической парадигмы конструкции (8); переосмысление всей синтаксической конструкции, а не отдельной лексемы (8); опущение части главного предложения СПП-фразеосхемы (отрицания и оценочной

лексемы: *не хорошее*) (4); опущение части придаточного предложения СПП-фразеосхемы (союзного слова *который*; иногда в сочетании с глаголом-сказуемым – *То ли дело чай!*) (4); опущение обязательного изменяемого компонента фразеосхемы (8); полная утрата логической (субъектно-предикатной) членности (8); утрата предикативности (8); полная утрата семантической членности (8); полная утрата морфологической членности (8); полная утрата синтаксической членности (8); полностью лексически непроницаема (8); полная утрата синтаксической сочетаемости / распространяемости (8); автосемантическая – зависимость от контекста (8); аграмматизм (8); немотивированность (8); фразеосинтаксическое значение – максимально обобщённое категориальное значение «положительной оценки» (8); полная идиоматичность диктума (8); полная идиоматичность модуса (8); наличие (непредикативной) модусной пропозиции: приобретение модусом пропозитивной функции – «неполнознаменательный» / «неноминативный» диктум» (8); деактуализация функционального значения «вопросительности» и «побудительности (8); специализация коммуникативной функции – реплика-реакция, т.е. ограничение функциональной парадигмы (4); полная деактуализация лексемы с дейктическим значением *то* (4); полная деактуализация служебной лексемы *ли* (9); полная десемантизация полнознаменательной лексемы с первичной грамматикализацией *дело* (3); фразеосинтаксическое (модусное) значение «положительной оценки» (1). Количество предпосылок – 30, индекс – 182.

Как видим, коммуникема «**То ли дело!**» обладает ещё большим количеством предпосылок грамматикализации (больше на 50%) и более высоким индексом грамматикализации (больше на 82%). Однако на этапе формирования коммуникемы индекс грамматикализации вырос меньше (в 2,7 раза), что свидетельствует о значительном замедлении процессов грамматикализации и фразеологизации, которые в системе языка не могут развиваться бесконечно. Это объясняется тем, что коммуникемы – это конечная точка развития процессов фразеологизации и грамматикализации синтаксических конструкций. Следует также отметить, что выявленные характеристики данной коммуникемы позволяют отнести её к фразеологическому разряду сращений.

Заключение

Применение методологии грамматики динамических трансформаций языка, предполагающей совмещение принципов теории фразеологии и теории грамматикализации, позволило, во-первых, с большой долей вероятности установить производящую основу фразеосхемы «**То ли дело + N₁!**», выявить все звенья данной этимологической цепочки, в том числе производное построение (коммуникему), описать все её фразеологические параметры, а также доказать правомерность её отнесённости к фразеологическим сращениям. Кроме того, фразеосхема «**То ли дело + N₁!**» и её производящая основа были впервые описаны в аспекте грамматикализации: установлен набор признаков грамматикализации и степень их грамматикализации. Следует также отметить, что некоторые фразеосхемы в данном аспекте ранее

уже были подвергнуты рассмотрению автором настоящего исследования. В отношении же коммуникем инструментарий грамматики динамических трансформаций языка применяется впервые. Благодаря этому изучен один из путей фразеологизации и грамматикализации синтаксических конструкций, существующий в языке. Такой подход даёт представление о формировании как отдельных синтаксических построений, так и всей системы языка в целом.

Список источников

1. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. 378 с.
2. Меликян В.Ю., Меликян А.В. Грамматика динамических трансформаций языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 2. С. 80–92. doi: 10.20916/1812-3228-2024-2-80-92
3. *Himmelman N.P.* Lexicalization and grammaticalization: opposite or orthogonal?, What makes grammaticalization?: a look from its fringes and its components / ed. by W. Bisang, N.P. Himmelman, B. Wiemer. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2004. P. 21–45.
4. Меликян В.Ю., Меликян А.В. Фразеосхемы как «результаты» процесса грамматикализации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 102–114. doi: 10.20916/1812-3228-2022-4-102-114
5. Меликян В.Ю., Меликян А.В. Предпосылки, пути, способы и механизм грамматикализации синтаксических конструкций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 3. С. 85–105. doi: 10.20916/1812-3228-2023-3-85-105
6. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. ; Л. : Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с.
7. Гак В.Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса: Аналитические конструкции в языках различных типов / ред. В.М. Жирмунский, О.П. Суник. М. ; Л. : Наука, 1965. С. 129–142.
8. Кондильяк Э.Б. Сочинения : В 2 т. Т. 1 / общ. ред., вступит. статья и примеч. В.М. Богуславского. М. : Мысль, 1980. 334 с.
9. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005. 480 с.
10. *Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago : University of Chicago Press, 1994. 398 p.
11. *Heine B.* Grammaticalization. The handbook of historical linguistics / ed. by B.D. Joseph, R.D. Janda. Oxford : Blackwell, 2003. P. 575–601.
12. *Heine B., Kuteva T.* World lexicon of grammaticalization. Cambridge : Cambridge University Press, 2002. 402 p.
13. *Heine B., Reh M.* Grammaticalization and reanalysis in African languages. Hamburg : Helmut Buske Verlag, 1984. 308 p.
14. *Hopper P.J., Traugott E.C.* Grammaticalization. Cambridge : Cambridge University Press, 1993. 299 p.
15. Ярцева В.Н. О формах развития простого предложения // Вопросы грамматики : сб. ст. к 75-летию акад. И.И. Мещанинова / ред. В.М. Жирмунский. М. ; Л., 1960. С. 454–471.
16. Кодухов В.И. Синтаксическая фразеологизация // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе / ред. Р.Н. Попов. Вологда : Северо-Западное книжное изд-во, 1967. С. 123–136.
17. Новикова Л.И. О структурно-семантических свойствах сложных предложений с устойчивым сочетанием типа «стоило... как», «стоило... чтобы» // Ученые записки Пермского государственного педагогического института. 1974. Т. 123. С. 122–136.

18. Сиротина О.Б. Порядок слов в русском языке. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1965. 172 с.
19. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д, 1964. 316 с.
20. Шмелёв Д.Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976. 152 с.
21. Слепцова А.М. Фразеологизация и фразеологизм (к вопросу о синтаксических фразеологизмах) // Вопросы грамматики и лексики русского языка. Известия Воронежского государственного педагогического института. 1972. Т. 126. С. 69–74.
22. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксис нечленимого предложения : учеб. пособие. Ростов н/Д : РГПУ, 2004. 288 с.
23. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология : учеб. пособие для студентов. 3-е изд. М. : Флинта: Наука, 2017. 232 с.
24. Ройзензон Л.И. Фразеологизация как лингвистическое явление // Труды Самаркандского государственного университета. Новая серия. 1961. № 113. С. 109–117.
25. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. Т. 2. 717 с.
26. Шмелёв Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. 335 с.
27. Меликян В.Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз: фразеосхемы и устойчивые модели. 4-е изд. М. : Флинта: Наука, 2020. 336 с.
28. Меликян В.Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. М. : Флинта: Наука, 2013. 400 с.
29. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2006. 1536 с.
30. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова. М., 1991. 254 с.
31. Словарь русского языка : В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. 2.
32. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. М. : Русский язык, 1987. 543 с.
33. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В.Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
34. Современный фразеологический словарь русского языка / А.В. Жуков, М.Е. Жукова. М. : АСТ: Астрель, 2009. 443 с.

References

1. Shvedova, N.Yu. (1960) *Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi* [Essays on the Syntax of Russian Colloquial Speech]. Moscow.
2. Melikyan, V.Yu. & Melikyan, A.V. (2024) Grammatika dinamiceskikh transformatsiy yazyka [Grammar of dynamic language transformations]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 2. pp. 80–92. doi: 10.20916/1812-3228-2024-2-80-92
3. Himmelmann, N.P. (2004) Lexicalization and grammaticalization: opposite or orthogonal? In: Bisang, W., Himmelmann, N.P. & Wiemer, B. (eds) *What makes grammaticalization?: a look from its fringes and its components*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. pp. 21–45.
4. Melikyan, V.Yu. & Melikyan, A.V. (2022) Frazeoskhemy kak "rezultaty" protsessy grammatikalizatsii [Phraseoschemes as "results" of the grammaticalization process]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 4. pp. 102–114. doi: 10.20916/1812-3228-2022-4-102-114
5. Melikyan, V.Yu. & Melikyan, A.V. (2023) Predposylki, puti, sposoby i mekhanizm grammatikalizatsii sintaksicheskikh konstruktsiy [Prerequisites, paths, methods and mechanism of grammaticalization of syntactic constructions]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. (3). pp. 85–105. doi: 10.20916/1812-3228-2023-3-85-105

6. Vinogradov, V.V. (1947) *Russkiy yazyk. Grammaticheskoye ucheniye o slove* [The Russian Language. Grammatical Doctrine of the Word]. Moscow; Leningrad: State Educational and Pedagogical Publishing House.
7. Gak, V.G. (1965) Desemantizatsiya yazykovogo znaka v analiticheskikh strukturakh sintaksisa [Desemantization of the linguistic sign in analytical structures of syntax]. In: Zhirmunsky, V.M. & Sunik, O.P. (eds) *Analiticheskiye konstruksii v yazykakh razlichnykh tipov* [Analytical Constructions in Languages of Various Types]. Moscow; Leningrad: Nauka. pp. 129–142.
8. Condillac, É.B. de. (1980) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Ed. by V.M. Boguslavsky. Moscow: Mysl'.
9. Maysak, T.A. (2005) *Tipologiya grammatikalizatsii konstruksiy s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Typology of Grammaticalization of Constructions with Verbs of Motion and Verbs of Position]. Moscow.
10. Bybee, J.L., Perkins, R. & Pagliuca, W. (1994) *The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press.
11. Heine, B. (2003) Grammaticalization. In: Joseph, B.D. & Janda, R.D. (eds) *The handbook of historical linguistics*. Oxford: Blackwell. pp. 575–601.
12. Heine, B. & Kuteva, T. (2002) *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Heine, B. & Reh, M. (1984) *Grammaticalization and reanalysis in African languages*. Hamburg: Helmut Buske Verlag.
14. Hopper, P.J. & Traugott, E.C. (1993) *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
15. Yartseva, V.N. (1960) O formakh razvitiya prostogo predlozheniya [On the forms of development of the simple sentence]. In: Zhirmunsky, V.M. (ed.) *Voprosy grammatiki: Sb. st. k 75-letiyu akad. I.I. Meshchaninova* [Questions of Grammar: Collection of articles for the 75th anniversary of Academician I.I. Meshchaninov]. Moscow; Leningrad. pp. 454–471.
16. Kodukhov, V.I. (1967) Sintaksicheskaya frazeologizatsiya [Syntactic phraseologization]. In: Popov, R.N. (ed.) *Problemy frazeologii i zadachi yeye izucheniya v vysshey i sredney shkole* [Problems of Phraseology and the Tasks of its Study in Higher and Secondary Schools]. Vologda: Northwestern Book Publishing House. pp. 123–136.
17. Novikova, L.I. (1974) O strukturno-semanticheskikh svoystvakh slozhnykh predlozheniy s ustoychivym sochetaniyem tipa "stoilo... kak", "stoilo... chtoby" [On the structural and semantic properties of complex sentences with a stable combination like "stoilo... kak", "stoilo... chtoby"]. *Uchenyye zapiski Permskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 123. pp. 122–136.
18. Sirotnina, O.B. (1965) *Poryadok slov v russkom yazyke* [Word Order in the Russian Language]. Saratov: Saratov University.
19. Arkhangel'sky, V.L. (1964) *Ustoychivyye frazy v sovremennom russkom yazyke* [Fixed Phrases in the Modern Russian Language]. Rostov-on-Don.
20. Shmelev, D.N. (1976) Sintaksicheski svyazannyye konstruksii-frazeoskhemy [Syntactically bound constructions-phraseoschemes]. In: *Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke* [Syntactic Divisibility of the Utterance in the Modern Russian Language]. Moscow.
21. Sleptsova, A.M. (1972) Frazeologizatsiya i frazeologizm (k voprosu o sintaksicheskikh frazeologizmakh) [Phraseologization and phraseologism (on the question of syntactic phraseologisms)]. *Voprosy grammatiki i leksiki russkogo yazyka. Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. 126. pp. 69–74.
22. Melikyan, V.Yu. (2004) *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksis nechlenimogo predlozheniya* [Modern Russian Language. Syntax of the Inseparable Sentence]. Textbook. Rostov-on-Don: Rostov State Pedagogical University.

23. Melikyan, V.Yu. (2017) *Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksicheskaya frazeologiya* [Modern Russian Language. Syntactic Phraseology]. Textbook for students. 3rd ed. Moscow: Flinta: Nauka.
24. Royzenon, L.I. (1961) *Frazeologizatsiya kak lingvisticheskoye yavleniye* [Phraseologization as a linguistic phenomenon]. *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya*. 113. pp. 109–117.
25. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian Grammar: in 2 vols]. Vol. 2. Moscow.
26. Shmelev, D.N. (1977) *Sovremennyy russkiy yazyk. Leksika* [Modern Russian Language. Vocabulary]. Moscow.
27. Melikyan, V.Yu. (2020) *Slovar' ekspressivnykh ustoychivyykh fraz: frazeoskhemy i ustoychivyye modeli* [Dictionary of Expressive Fixed Phrases: Phraseoschemes and Fixed Models]. 4th ed. Moscow: Flinta: Nauka.
28. Melikyan, V.Yu. (2013) *Sintaksicheskyy frazeologicheskyy slovar' russkogo yazyka* [Syntactic Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Flinta: Nauka.
29. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2006) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.
30. Rogozhnikova, R.P. (1991) *Slovar' ekvivalentov slova* [Dictionary of Word Equivalents]. Moscow.
31. Yevgen'yeva, A.P. (ed.) (1981–1984) *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. Moscow.
32. Molotov, A.I. (ed.) (1987) *Frazeologicheskyy slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk.
33. Teliya, V.N. (ed.) (2006) *Bol'shoy frazeologicheskyy slovar' russkogo yazyka. Znacheniyе. Upotrebleniye. Kul'turologicheskyy kommentariy* [Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Cultural Commentary]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
34. Zhukov, A.V. & Zhukova, M.E. (2009) *Sovremennyy frazeologicheskyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: AST: Astrel.

Информация об авторе:

Меликян В.Ю. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: melikyanv@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.Yu. Melikyan, Dr. Sci. (Philology), full professor, head of the Department of Theory of Language and Russian Language, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: melikyanv@sfedu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*The article was submitted 16.09.2024;
approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 23.01.2026.*

*Статья поступила в редакцию 16.09.2024;
одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 23.01.2026.*